

УСТАЛА она предельно — это было заметно даже со стороны. Только что закончился фестиваль Интервидения в Сопоте, вопрос о ее поездке на который решался до последнего момента. Только что она перенесла воспаление легких.

«Все было против меня», — скажет потом Алла. Но результат: вот он — Гран-при фестиваля — янтарный соловей, напоминающий, по словам Аллы, кита в короне, покоится в черном бархате футляра.

— Пела я «Все могут короли» Рычкова и Дербенева, и именно «короли» принесли победу. Я ехала в Сопот и твердо знала, что с этой песней все будет в порядке — она уже известна в Польше, музыка ритмичная, а текст... Текст очень талантлив, но ведь иноязычная аудитория. Поэтому чисто режиссерски я кое-что изменила. Тот жест, который обозначает корону и который я применяю обычно в конце песни, вынесла в самое начало, четко определив, о чем буду петь.

Я сейчас могу дать зрителю больше, чем раньше.

— НА сцену я себя готовлю, как готовятся в будни к празднику, концерт — это труд, но труд радостный. Те, кто ходит на мои концерты, может быть, заметили, что манера моя изменилась. Я уже говорила, что у меня сейчас другая программа, соответственно ей и другие краски поведения на сцене.

Помолчали. А потом Алла беззубо улыбнулась, тряхнула роскошными волосами:

— Кто знает, может быть, тем, кто видел меня раньше, — в другом репертуаре, в другой манере, больше повезло. Вдруг это уже никогда не повторится... Месяца через три выйдет диск-гигант «Арлекино и другие» — там собраны все песни, выпущенные раньше на маленьких грампластинках. Это будет подарок тем, кто помнит и любит меня прежней.

Как же меня плохо знают, — вздохнув, тихо доба-

нет! Ну так, чтобы я вас больше не видел. А вот Матвей Блантер, когда я честно призналась, что ни одна из предложенных песен мне не подходит, поскреб в затылке — добродушно так сказал: «Ну, слушайте, мне так нравится, как вы поете, давайте через полгодика встретимся — может, вам чего подойдет». Я чуть не расцеловала его — ведь это сказал один из классиков советской эстрады, такое не забудешь...

И, конечно, тексты. «Не отрекаются, любя» — это Вероника Тушнова, но у меня в репертуаре сейчас песни на стихи Шекспира, Мандельштама, Кулиева, Цветаевой, Пастернака, Евтушенко. Это не случайно — это тенденция.

Есть у меня песни «Памяти Лидии Клемент» — зрители со стажем помнят эту прекрасную ленинградскую певицу, так беззастенчиво умершую. Когда возникла идея написать эту песню, как-то сами из памяти всплыли полужановые сти-

рамы мирового кино. Это я больше для самоуспокоения, но шутки шутками, а после фильма я получила более десятка приглашений сниматься на различных студиях страны, однако вынуждена была ото всех отказаться — ничего эти роли мне не давали: ни как певице, ни как актрисе. Вместе с тем чувство, что мне есть что сказать зрителю и как актрисе, во мне живет постоянно. Пока в самой далекой перспективе проглядывается замысел нового фильма, где я, может быть, сыграю певицу, потерявшую голос. Интересно, не правда ли?

А песни из еще не вышедшего на экран фильма уже живут самостоятельной жизнью — часть из них вошла в альбом «Зеркало души». Заговорили о грамзаписи, о росте ее влияния на популярность артиста.

— Не знаю, — сказала Алла, — я все-таки считаю грамзапись чем-то вроде фокуса, показанного по радио. По крайней мере сейчас в основном записываю пес-

норежиссером А. Стефановичем, приносим огромный картонный ящик, доверху набитый письмами, перебираем те, что лежат сверху.

— Один дед с далекой сибирской станции написал, как они все меня любят. «А уж кот наш Вася, уж как он Вас любит. Как только вы поете по телевизору, он к нему шашь — и уж ничем не оторвешь...». Послала я одно письмо деду, а другое — специально коту Васе. Так дед пишет: «И что ж вы с нами сделали? Теперь к нам со всех станций народ валом валит — посмотреть на кота и на письмо. Мы уж по этому случаю связали Васе носки и розовый бант на шею повесили...».

Присылают и деловые письма. Так, московский фотограф Галина Проценко написала, что ей не очень нравится оформление моих пластинок, и прислала свой вариант. Я его представила конкурсной комиссии фирмы «Мелодия», и он занял первое место. Мой «новый-старый» диск «Арлекино и дру-

раз эти строки — может быть, яснее поймете, на чем стоит талант, даже самый яркий. Постарайтесь разглядеть то, что не видно порой за слепшими огнями рампы, постарайтесь услышать то, что гложет в шумных оваций. То, что видите вы на эстраде и телеэкране, — та самая видимая часть айсберга колоссальной работы. Поняли это? Тогда счастливого пути в большое искусство.

АЛЛА мельком глянула в огромное зеркало, знакомое многим по обложкам ее последних пластинок, машинально поправила прическу.

— Для большинства зрителей профессия певицы находится в эдаком розовом ореоле — поют, мол, как птички, — чем не жизнь? Ну, о работе над собой мы уже говорили, о том, что каждое выступление, каждый концерт — это растрата души, сердца — тоже. Но ведь очень многое зависит даже не от артиста. Как часто наше дело плохо организуется — неудовлетворитель-

ПОСЛЕ ОВАЦИЙ

Алла продолжает рассказывать о Сопоте, о выступлениях других участников, а затем несколько неожиданно говорит: — А вообще-то больше я «королей», наверное, петь не буду. Не моя это песня...

«Вот тебе раз, — думаю я. — Казалось бы, это песня, неотделимая от образа Пугачевой, стоящая в одном ряду с «Арлекино». «Очень хорошо» и другими. И вдруг — не моя».

Алла, между тем, продолжает — не торопясь, тщательно подбирая слова.

— Любимый человек, певец в том числе, должен постоянно совершенствоваться, меняться, ставить перед собой новые задачи.

У меня с самого начала была потребность по-настоящему, предельно искренне высказаться. Говорить словами мне было все как-то негде, да и не с кем. Определенные вокальные данные были, и я с первых шагов на эстраде начала петь только то, что чувствую. Исповедь всегда прекрасно воспринималась слушателями. Другое дело, что сперва я людям о себе мало что интересного могла поведать. Когда я начала работать на сцене всерьез? Произошло это примерно в 1975 году, на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Выступила с двумя песнями моего, как я считаю, амплуа — трагической и комической: «Ермолова с Чистых прудов» и «Посидим, покаяем». К этому времени и появилось чувство, что я реально могу воплотить в словах и музыке то, что хочу сказать людям.

Но даже в этот период я каждый раз представляла перед зрителем как бы в маске: с каждой песней менялся образ — то Арлекино, то наивная русская девушка, то лирическая героиня, то трагический персонаж.

И только сейчас, когда большая часть моей программы состоит из песен-монологов, я почти сняла маску и исполняю все песни от собственного лица. Я не открещиваюсь от моих старых песен — в них очень много вложено и связано с ними немало хорошего. Тот же «Арлекино» — да я после «Золотого Орфея», где с ним победила, услышала такие слова, которых, может быть, до сих пор не слышу. Но мне кажется, что

вила она. — Нужно больше ездить, больше выступать. Только сцена, только непосредственный контакт с залом — тогда, может быть, мы достигнем настоящего родства душ — я и зрители. Но я знаю, сейчас очень трудно достать билеты на мой концерт.

— Это точно, — грустно подумал я. И еще подумал, что, может быть, больше всех повезло все-таки мне. Было это лет 5–6 назад, тогда только что вошла звезда Карцева и Ильченко и они давали один из своих первых сольных концертов в Москве. С боем взяв билеты, мы с приятелем примчались в киноконцертный зал «Октябрь», и только тут выяснилось, что концерт не вполне солидный. Проворные организаторы «прицепили» к одесситам двух молодых певцов, которые и занимали все первое отделение. Певцами этими были Юлий Слободкин и Алла Пугачева. Они пели порознь и вместе, весело и грустно, громко и не очень. В зале царил тягостная тишина, прерываемая жидкими аплодисментами. Мы с трудом дождались конца их выступления и во втором отделении получили то, за чем пришли.

Каким же сильным характером, какой верой в себя надо обладать, чтобы самой сломать стену равнодушия, инерцию полудач, найти свой репертуар, манеру — все то, что сейчас делает Пугачеву явлением уникальным на современной эстраде. Кто это сейчас сможет отрицать?

— БЫЛИ бы только песни, — сказала Алла.

— И это говорю я, «монополистка», — немного почем-то находится желающих исполнить песни, которые я пою. И все же песен не хватает — тут очень важно точно попасть в индивидуальность певца. У меня был целый период такого точного попадания — это когда мы работали с Александром Зацепиным. Но все проходит, мы пока расстались, правда, может быть, временно. Вы, наверное, заметили, что я почти не пою песен «маститых» композиторов, и здесь дело не в каком-то принципе, просто пока я у них не встретила песни, без которой не смогла бы жить на эстраде. Композиторы по-разному к этому относятся — некоторые говорят: «Ах,

«...Ленинград, я еще не хочу умирать, у меня телефонов твоих номера. Ленинград, у меня еще есть адреса, по которым найду голоса».

Родилась песня, и надо сказать, что воспринималась она зрителями спокойно — ну еще одна, неплохая. Но в Ленинграде, во Дворце спорта «Юбилейный» во время моего концерта с первых тактов музыки шесть тысяч зрителей встали и стоя слушали всю песню. У меня даже горло перехватило от волнения — потом мне рассказывали, что билетеры в зале плакали. Произошло идеальное слияние поэзии, музыки и чувств зрителей.

— Но хороших песен отчаянно не хватает, — продолжала она. — Наверное, от отчаяния и я начала сама писать музыку, а иногда и тексты песен. Как говорится, шло в мешке не утаишь — это все равно стало известно. Пришлось открыть, что довольно длительное время под именем композитора Бориса Горбонос скрывалась я сама.

Во время работы над фильмом «Женщина, которая поет» я написала несколько песен, поставив на них имя школьного товарища моего мужа — Бориса Горбонос. Сделала я это потому, что принципиально не хотела своим именем влиять на мнение художества и было желание пройти весь путь, который проходит молодой, начинающий композитор. Песни были приняты, более того, композитору Горбоносу предложили написать и фоновую музыку для фильма. О том, как «Мосфильм» разыскивал Горбоноса через Агентство авторских прав, — особый рассказ.

ЗАГОВОРИЛИ о фильме «Женщина, которая поет», готовящемся к выходу на экраны. Я вспомнил, что не очень-то внимательно следил за сюжетом, но вспомнил и то, как замолчал и пристально вглядывался в экран, когда начала петь Пугачева.

— Кто знает, может быть, зрители в далеких городах, которые не могут прийти на мои концерты, поблагодарят меня за то, что я снялась в фильме. Фильм понравится не всем, но известность великой Эдит Пиаф принесло участие в двух фильмах, отнюдь не являющихся шеде-

ни, уже «обкатанные» в концертах, — это как бы итог исполнения песни, а может быть, и финал ее исполнения. Знаете, каким тиражом вышла маленькая пластинка с записью «Арлекино»? 14 миллионов экземпляров. Шарль Азнавур за всю свою артистическую жизнь имеет такой тираж пластинок. Как говорится в одной из моих песен: «Хорошо-то, хорошо...». Но когда из каждого второго окна несется одна и та же песня — это уже где-то за пределами искусства.

Возвращаясь к теме грамзаписи, нужно сказать, что очень хотелось бы выпустить чисто «студийную» пластинку с применением различных звуковых эффектов, использованием необычных инструментов, всего арсенала современной техники записи звука. Я очень завидую композитору Зацепину, Тухманову, которые могут себе это позволить. С Давидом Тухмановым я бы очень хотела поработать вместе, в студии — наверное, это содружество было бы плодотворным — пока же по каким-то причинам наши орбиты не пересеклись.

ПОТОМ я вспомнил оторванную дверную ручку в квартире, свежие следы краски на лестничной площадке, покрывавшие написанные кем-то лозунги в честь Аллы, вспомнил испарявшиеся теми же надписями «Жигули» и бесконечные звонки от людей, неведомыми путями узнавших номер телефона. Вспомнил рассказы Аллы о том, как поджидают на улицах, какие толпы ждут после концертов. Спрашиваю:

— Не тяжело все это переносить, нет ли желания побыть хоть когда-нибудь с собой, с близкими людьми, стать незаметной, невидимой постороннему взгляду?

— Ничуть. Я лично не стыжусь своей популярностью, рада ей, — ответила Алла. — Получаю огромное удовольствие от того, что стала ближе людям, что для многих необходима. Вы знаете — иногда я иду по улице, меня узнают и мне очень хорошо, я готова со всеми здороваться, каждому ответить. А на всякие глупости я просто не обращаю внимания.

— Пишут мне очень много, — продолжала Алла. Вместе с мужем Аллы, ки-

гиз» будет оформлен по эскизам Галины Проценко, а она об этом еще ничего не знает.

Но иногда сталкиваешься с тем, что кое-кто довольно странно представляет нашу жизнь. Возвращаюсь как-то домой, в двери стоит девушка, ну, я сначала даже внимания не обратила — их тут много иной раз стоит. Но проходит час — стоит, утром — снова стоит. Открываю дверь — заходи, говорю. Она приехала за несколькими тысячами километров, чтобы стать эстрадной певицей. Хочет пока помочь мне во всем, и по хозяйству тоже, жить собирается у меня, очень удивляется, что у меня однокомнатная квартира — ей там, на родине, говорили, что у меня пять комнат.

Призываю все свое терпение и говорю — хорошо, но тебе придется быть со мной все время. Отлично, отвечает, я об этом и мечтала. Попили чайку — и в дорогу. Гримировать — она со мной, запись на телевидение — она со мной, я на репетицию — она со мной. Дело к обеду. Кушать хочешь? — спрашиваю. Она — ага. Я ей — некогда, мать. Перехватили по бутерброду — и к композитору, потом в ГИТИС на зачет. На следующий день — то же самое. На четвертый день она поехала покупать билет на обратную дорогу.

Стоп. Прервем рассказ певицы. Уверен, что среди читающих «про звезду» хватает девочек и мальчиков, «родившихся чтобы стать знаменитыми». Прочитайте еще

некие спенические площадки, плохая аппаратура, свет.

А наша эстрадная режиссура — вернее, ее отсутствие? Это ведь просто счастье, что я имею музыкальное образование, сейчас получаю режиссерское, — могу как-то выкрутиться. У нас ведь есть яркие индивидуальности, которые для своего полного раскрытия нуждаются в помощи. Жанна Бичевская, например, уникальная певица и уникальный человек, но сейчас она вынуждена выступать в одной программе с людьми, которые по таланту даже близко к ней не стоят, но обладающие определенными организаторскими способностями.

После окончания выступлений на эстраде я мыслю себя только в одном качестве — эстрадного режиссера, но несколько иного плана, чем сейчас это понимают. Хочу совмещать качества и режиссера-постановщика, и организатора, иметь право формировать программу, привлекать исполнителей, музыкантов, специалистов в различных областях. Хочется собрать гала-концерт поставить его, оформить — и вперед, по стране, а может быть, и по миру. Надеюсь, что к тому времени поймут, что организация такого концерта должна стать официальной профессией на нашей эстраде — это должен быть своеобразный ограничитель амбулов нашей сцены. И, уверяю, тогда смогут по-настоящему заблистать таланты «легкого жанра».

Л. НИКИТИН.